

АЛЕКСАНДР РУДНЕВ

ДВА СТОЛПА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДВУХ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ-СВЕРСТНИКОВ

2012 год был ознаменован крупной литературной датой: исполнилось 85 лет с момента первой публикации первых двух частей романа М. А. Шолохова "Тихий Дон". А в предыдущем году в издательстве "Алгоритм" вышел увесистый том – энциклопедия "Михаил Александрович Шолохов", написанный известным писателем и исследователем советской литературы Виктором Петелиным. Можно сказать, что это итог его более чем пятидесятилетней работы над наследием Шолохова. Беспрецедентность этой книги состоит в том, прежде всего, что это – авторская работа, которую обычно выполняет целый коллектив учёных. Труд Петелина представляет собой своеобразный противовес и академическому шолоховедению, представленному шолоховской группой ИМЛИ, и известной книге Феликса Кузнецова о "Тихом Доне", и, в особенности, биографии писателя, написанной В. Осиповым, давним оппонентом Петелина, вышедшей не так давно в издательстве "Молодая гвардия" в серии "ЖЗЛ".

Нельзя не заметить, что этот почти 1000-страничный "увраж" во многом опирается на биографическую книгу В. Петелина, озаглавленную "Жизнь Шолохова. Трагедия русского гения" (М., Центрполиграф, 2002), и другие его более ранние работы и, надо признать, во многом, пусть и с некоторыми вариациями, их повторяет. Но самое главное: то, что теперь написал Петелин, – не совсем энциклопедия в привычном смысле этого слова, имеющая столько превосходных аналогов. Это и давняя "Лермонтовская энциклопедия", и энциклопедия, посвящённая Льву Толстому, и "Энциклопедия булгаковская" Б. В. Соколова. Во всех этих изданиях соблюдены законы жанра. Петелинский же труд представляет собой, скорее, монографию или очерки жизни и творчества М. А. Шолохова, для которых характерна пестрота и непоследовательность подачи материала, и, главное, излишняя беллетризация, не только неуместная, но даже невозможная в энциклопедическом труде, где главное – информативность.

К примеру, здесь присутствуют диалоги Шолохова с А. М. Горьким и И. В. Сталиным, а также с другими известными современниками писателя, явно придуманные автором. Наконец, это издание лишено совершенно необходимого здесь именного указателя. Единственное, что в петелинском труде напоминает энциклопедию, так это словарь героев "Тихого Дона" (их более 800,

как вымышленных, так и реально-исторических), и “словник” героев “Поднятой целины”. В остальном же — это что угодно, только не энциклопедия.

Первые разделы и главы книги, рассказывающие о самых ранних годах жизни Шолохова, о его “подступах” к писательству, написаны, как и всё остальное, с привлечением большого количества материалов, в том числе и архивных, освещающих некоторые новые факты достаточно запутанной биографии создателя “Тихого Дона”. Первые сборники рассказов Шолохова “Донские рассказы” и “Лазоревая степь” (1926), в которых уже видны искры таланта большого писателя, описаны каждый в отдельности, в соответствии с их прижизненными изданиями, но главное — в широком контексте пёстрой и сложной картины советской литературы 1920-х годов, которая и выявляет острый и своеобразный колорит шолоховской прозы, её непохожесть на прозу его современников.

Основное же внимание, естественно, уделено главному в творчестве Шолохова, и, наверное, самому великому литературному художественному произведению XX столетия — роману “Тихий Дон”. Автор достаточно подробно и аргументированно исследует творческую историю “Тихого Дона”, полагая при этом, что основным корпусом текста, в наибольшей мере выражающим авторскую волю, следует считать издание романа 1941 года. Столь же обстоятельно проанализированы и прототипы героев романа. В небольшой главе названием “Соавторы “Тихого Дона”” речь идёт об авторстве романа. При этом составитель энциклопедии обстоятельно рассматривает и точки зрения своих оппонентов: А. И. Солженицына, Л. Колодного, Ф. Ф. Кузнецова, Р. Медведева, С. Н. Семанова...

В энциклопедии “Шолохов” значительное внимание уделено проблеме “писатель и власть”, отношениям Шолохова с советскими лидерами почти на всём протяжении его жизни, но в первую очередь — со Сталиным в 1930-е годы, в период коллективизации, когда публиковались последние части “Тихого Дона” и первые части “Поднятой целины”. Письма Шолохова к И. В. Сталину, как и многие другие письма писателя к разным лицам, публикуются здесь полностью по автографам. Автор заявляет о своём стремлении максимально выявить “истину”, как он подчёркивает в предисловии, по поводу общественно-политической позиции Шолохова, его активной общественной деятельности, им предпринята попытка реконструировать многогранный противоречивый характер создателя “Тихого Дона”.

Рассматривая творчество Шолохова после “Тихого Дона”, в частности, роман “Поднятая целина”, который так же, по мнению исследователя, претерпел множество цензурных мытарств и прямых вмешательств властей — вначале И. В. Сталина, а впоследствии Н. С. Хрущёва, — и неоконченный роман “Они сражались за родину”, который якобы стал жертвой вмешательства Л. И. Брежнева, В. Петелин привлекает различные, ранее не публиковавшиеся материалы и свидетельства, и всё это создаёт выразительную картину жизни произведений великого художника во времени.

Но нам представляется, что В. Петелин всё же сильно преувеличивает, видимо, отдавая дань веяниям современной эпохи, противостояние Шолохова Советской власти, то бишь “бюрократической системе Советского Союза”. Ведь Шолохов всё-таки органически вписывался в то время, когда ему довелось жить и творить. И думается, что нет никакой надобности “сваливать” все трудности, противоречия и неудачи писателя на руководителей Советского государства, которые якобы во всём ему “мешали”. Это, на наш взгляд, противоречит истине, которой так жадно и пылливо взыскует автор, заявляя об этом многократно и довольно декларативно.

Напротив, Шолохов и как писатель, и как человек и общественный деятель, особенно в последние десятилетия своей жизни, был абсолютным адептом советского строя, и говорить о каком-то его противостоянии власти, по меньшей мере, странно. В труде Петелина вообще мало и будто вскользь говорится о том, как жил писатель в последние годы, и вовсе ничего не говорится о присуждении ему в 1965 году Нобелевской премии. Как не вспомнить в связи с этим выступления Шолохова на партийных и писательских съездах, а также и его “филиппики” по поводу приснопамятного судебного процесса А. Синявского и Ю. Даниэля...

Таким образом, возникает вопрос: торжествует ли всё-таки *истина* в этом увесистом исследовании, уж по объёму-то точно не имеющему себе равных?

Мы полагаем, что не вполне. В. Петелин совершенно явно преувеличивает литературную и человеческую «трагедию» великого писателя. Вряд ли так можно характеризовать «увешанного орденами и медалями, лауреата Сталинской, Ленинской и Нобелевской премий», который, безусловно, в своём художественном творчестве с невероятной силой показал трагизм своей эпохи, особенно трагедию казачества в образе Григория Мелехова, которого Петелин всё же считает положительным героем, о чём он неустанно писал на протяжении всей своей жизни. Вместе с тем, Шолохову удалось показать и социальные завоевания Советской власти, которые теперь уже стали достоянием истории.

Кроме того, мы не можем не сказать и о том, что о жизни произведений Шолохова в кино, театре и музыкальном искусстве сказано как-то скороговоркой, точно так же, как, по нашему мнению, совсем недостаточно освещена проблема языка Шолохова, а ведь об этом можно было бы писать и писать!

Но при всех наших серьёзных реляциях автору энциклопедии, мы признаём, что В. Петелин предпринял колоссальный труд, заслуживающий в целом уважения и признания.

В литературоведении последних десятилетий возникла, как известно, идея правомерности сопоставления творчества Шолохова и Булгакова, чему положил начало в своей уже достаточно давней, небольшой, но очень значимой и интересной книжке П. В. Палиевский. Два этих художника, столь непохожие друг на друга ни в чём, оказываются выдающимися явлениями отечественной словесности ушедшего века, с огромной художественной силой отразившими в своём творчестве наиболее важные и трагические узлы своей эпохи. Поэтому наряду с шолоховской энциклопедией В. Петелина мы ведём речь о вышедшей в прошлом, 2011 году в издательстве «Просвещение» книге Олега Михайлова «М. А. Булгаков. Судьба и творчество». Это первое обращение многоопытного и разносторонне талантливого автора к Булгакову. Книга написана легко и изящно, что всегда отличало стиль Олега Михайлова, которому, кстати заметим, в прошлом году исполнилось 80 лет.

М. Булгаков, по замечанию автора, «как бы перекинул мост через Серебряный век и советскую литературу непосредственно к золотому веку нашей изящной словесности — от Пушкина и Гоголя до Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Льва Толстого» (с. 5). Что касается Серебряного века, то Булгаков, строго говоря, не имел к нему отношения. А традицию «золотого века» русской классической литературы он действительно продолжил со всем ослепительным блеском своего таланта. И неслучайно особенно «вкусно» написан, как нам представляется, тот раздел книги, который посвящён пьесе Булгакова «Последние дни» («Пушкин»). Здесь же скажем, что тема исхода из большевистской России, русской эмиграции в книге О. Михайлова занимает очень существенное место, чего, пожалуй, не было в такой мере в предшествующих многочисленных книгах о Булгакове, а ведь их теперь целая библиотека!

Перипетии связей Булгакова — военного врача с деникинской Добровольческой армией, его состояние беспросветного отчаяния и острого неприятия «великой социальной революции», которая, как писал Булгаков в очерке «Грядущие перспективы», опубликованном в белогвардейской газете «Грозный» в 1919 году, загнала «нашу несчастную родину» на самое дно «позора и бедствия», его готовность уехать из Советской России, «пополнив собой плеяду русских писателей от Бунина и Куприна до Ходасевича и Адамовича» (с. 47), — обо всём этом автор рассказывает, ставя в один ряд одно лишь небольшое публицистическое произведение Булгакова с «Окаянными днями» И. А. Бунина, «Солнцем мёртвых» И. С. Шмелёва, «Словом о гибели Русской земли» А. М. Ремизова или же «Чёрными тетрадами» (дневниками) Зинаиды Гиппиус. И это вполне естественно, ибо О. Н. Михайлов — один, как известно, из первопроходцев в деле изучения литературы русской эмиграции, крупнейший знаток и специалист в этой области.

Вместе с тем, никаких особенных новаций в изучении биографии и интерпретации произведений Булгакова книга О. Михайлова, пожалуй, не содержит. Она традиционна в лучшем смысле этого слова. Хотя, спору нет, в ней использованы малоизвестные материалы, представлены почти забытые теперь отклики на роман «Белая гвардия» критиков 1920-х годов Д. Горбова, Г. Горбачёва, Л. Авербаха, Г. Лелевича, эмигранта Г. Адамовича, а также фрагмент не столь известных широкому читателям мемуаров А. Н. Вертинско-

го “Дорогой длиною...”, где он рассказывает о встрече с генералом Слащёвым – прототипом Хлудова в пьесе Булгакова “Бег”.

Не последнее место в книге занимает и мемуарный элемент – это те места, где автор пишет о восприятии булгаковского творчества в свои молодые годы, о встречах с вдовой писателя Еленой Сергеевной Булгаковой, и это придаёт повествованию особое обаяние и достоверность.

Трудная, трагическая жизнь гениального писателя в соответствии с многочисленными мемуарными свидетельствами рассматривается автором в контексте его творчества, так же, кроме того, в книге колоритно показана эпоха, с её специфическим вкусом и ароматом. Отношения Булгакова с властью, в первую очередь, со Сталиным, сыгравшим в судьбе писателя роковую роль, показаны в книге всесторонне и убедительно. Михайлов даёт нам почувствовать полную безвыходность положения великого писателя в 1930-е годы, придавая своим рассуждениям какую-то неповторимую тональность. Тему “писатель и власть” Михайлов интерпретирует на материале биографии Мольера, написанной Булгаковым, и пьесы “Кабала святош”, а также на основе не менее блистательной его пьесы “Последние дни” (“Пушкин”), где, по мнению исследователя, “историзм сочетается со злободневностью, весёлый бурлеск соседствует с трагедией одиночки-творца и явно прорисовывается тема “художник и тиран”. Особенно выразительно это раскрывается в пьесе о Пушкине, над которой Булгаков вначале работал вместе с В. В. Вересаевым. Император Николай Павлович наказывает поэта, в чём Булгаков следовал упрощённой догматической схеме 1920-х – 1930-х годов “поэт и царь”. И это, полагает О. Михайлов, стало основной причиной непреодолимых разногласий двух глубоко принципиальных и честных литераторов, вследствие чего их дальнейшее соавторство стало невозможным.

Самой же существенной особенностью книги О. Михайлова нам представляется то, что автор сумел органически соединить строго фактологический и научно-литературоведческий подход к жизнеописанию Булгакова и анализу его произведений – от “Записок на манжетах” до “Мастера и Маргариты” – с ясным, живым, простым и общедоступным изложением. Ведь именно это и было необходимо, потому что книга эта, главным образом, предназначена школьным педагогам. Но её прочтут с удовольствием и другие читатели – от профессионалов-литературоведов до школьников-старшеклассников.